

УДК 316.62
ББК 60.524.258
Ф 33

А.П. Федосеев

Начальник УВД по г. Майкопу, тел. 8 909 471 10 05

Проблемы ресоциализации в современном обществе: социокультурный анализ

Аннотация: Статья посвящена осмыслению альтернативных стратегий ресоциализации: репрессивной и восстановительной. Автор, анализируя европейские модели исполнения наказания в отношении представителей делинквентных групп, приводит аргументы для возможности использования зарубежного опыта в условиях российского общества с учетом его современного социокультурного потенциала.

Ключевые слова: Ресоциализация, институциональная кодификация, тотальная институция, флуктуация.

А.Р. Fedoseev

Head of the Maikop Internal Affairs Department, ph.: 8 909 471 10 05

Problems of re-socialization in a modern society: the sociocultural analysis

Abstract: The paper is devoted to elucidation of alternative strategies of repressive and regenerative re-socialization. The author, analyzing the European models of an execution of the punishment concerning representatives of delinquent groups, gives arguments for possibility of use of foreign experience in conditions of the Russian society taking into account its modern sociocultural potential.

Keywords: re-socialization, institutional codification, a total institution, fluctuation.

Следует отметить, что в условиях современного российского общества наиболее актуальны проблемы ресоциализации людей с опытом девиантного и делинквентного поведения. Их ресоциализация является частью сложного процесса социальной адаптации к новому состоянию культуры общества и социально – экономическим условиям.

Прежде всего, следует отметить, что в любой культуре нарушение базовых принципов ее организации и функционирования контролируется системой наказания, репрессиями. Одной из наиболее признанных современных стратегий, направленных на исправление нарушителя, выступает изоляция его от общества. Для обозначения места вынужденной изоляции большого количества индивидов, которые в течение достаточно долгого времени отрезаны от внешнего мира и ведут совместно затворническую жизнь, известный американский социолог И.Гофман ввел понятие «тотальной институции».[1; с.25]. Луи Пэнто, в свою очередь, поясняет содержание данного понятия следующим образом: «Эти институции характеризуются физическим и/или моральным принуждением потому, что оно выступает как наиболее эффективное средство для искоренения привычек и ожиданий, связанных с существованием, которое велось прежде. Чтобы конечные цели институции могли быть адекватно достигнуты, и, поскольку, как представляется, никто им не подчиняется добровольно и с удовольствием, следует сначала уничтожить «прежнего человека». Институциональная кодификация практик содержит технические параметры, вытекающие из необходимости наиболее экономно (с точки зрения денег и времени) управлять группой индивидов, зачастую многочисленных, разных, более или менее уклоняющихся, а также ритуальные параметры, вытекающие из необходимости продемонстрировать превосходство институции над ее членами («затворниками», как говорит

Гофман, которых институция обязана подчинять). Один из принципов функционирования весьма различающихся институций, таких как интернат, приют, тюрьма... состоит в том, чтобы сокращать «частную сферу» индивида, свойственную его «нормальному» существованию» [11; с.25]

В то же время сокращение частной сферы накладывает определенный отпечаток и на социокультурную сферу жизнедеятельности личности, усложняя ее рядом индивидуальных признаков пенитенциарной системы, например, жесткой системой стратификации или патерналистским влиянием криминальной субкультуры.

Предпринятый в последнее десятилетие анализ альтернативных стратегий ресоциализации правонарушителей показывает неоднозначность выбора для конкретного общества ее репрессивной или восстановительной модели. Более того, в реальной практике выбор модели ресоциализации правонарушителя предопределен целым рядом социокультурных параметров общества. Однако репрессивный подход к организации исполнения наказания все чаще подвергается небезосновательной критике как со стороны общественных организаций, так и ученого сообщества. По их мнению, существующая репрессивная модель ресоциализации правонарушителей, скорее, выполняет функцию защиты общества от проблем и агрессии нарушителей упорядоченных норм, но не функцию их ресоциализации и формирования конформистского типа личности.

Особо значимым аргументом не в пользу репрессивного подхода является довольно исследованный феномен, характеризующий сегодняшнюю пенитенциарную систему. Речь идет о криминальной субкультуре и последствиях ее влияния на успешность процессов ресоциализации. Субкультура, и в частности, криминальные традиции и ритуалы, как известно, возникают на основе тех форм деятельности, которые неоднократно подтвердили свою социальную или групповую (коллективную) значимость и личностную пользу. Традиции обеспечивают преемственность и устойчивость отношений в группе, способствуют их упорядоченности. Отсутствие в современных репрессивных моделях эффективно функционирующих механизмов противодействия проявлениям субкультурного содержания не позволяет признать ее системой, отвечающей социокультурным требованиям и стереотипам общества.

В то же время, современный исследователь проблем пенитенциарных институтов А.Олейник отмечает присущее тюрьме как институту кары и ресоциализации функциональное противоречие, вытекающее из отмеченного выше Пэнто манипулирования с «частной сферой» «затворника». Если усечение «личной жизни», «частного пространства» и т.д. представляет собой эффективный способ наказания как такового, то с точки зрения подготовки индивида к возвращению в «нормальную жизнь», его формирование в рамках тотальной институции вызывает большие сомнения.

По мнению специалистов, существование тюрьмы объясняется соображениями общественной безопасности, т.е. необходимостью отделения преступников от общества и их содержания под надзором. При этом само содержание должно быть таким, чтобы даже тяжелые условия жизни на свободе все же были бы предпочтительнее заключению в тюрьму. Таким образом, содержание тюрем объясняется, в первую очередь, обеспечением защиты общества от преступников, а также необходимостью их перевоспитания. «С формальной точки зрения две миссии имеют одинаково важное значение. Однако на практике второй императив пенитенциарной политики оказывается в противоречии с первым, что затрудняет одновременное следование обоим предписаниям. Акцент на миссии перевоспитания ставит под вопрос природу тюрьмы как тотального института. Эта миссия предполагает признание за осужденными существенной автономии в их жизни в заключении. Такая автономия необходима для обучения нормам жизни, принятым в рамках «большого» общества» [8; с.73].

Существует точка зрения, что лучший способ обеспечить преступнику автономию, необходимую «для обучения нормам жизни, принятым в рамках «большого» общества», - это вообще избавить его от пребывания в пространстве «тотальной институции». В

реальности, как уже отмечалось, «карательный» и «реабилитационный» императивы друг друга дополняют и подразумевают. Но верно и то, что политика современных обществ в области наказания правонарушителей определяется преимущественно то одним, то другим императивом.

Вышеназванные флуктуации в плане их сугубо экономических характеристик соответствуют методологическому совету Луи Пэнто интерпретировать тотальные институции в зависимости «от экономической реальности, которую они прямо или косвенно поощряют (можно сослаться на концепцию Макса Вебера об аналогии между монастырским аскетизмом и рационализацией экономической активности)» [11; с.25].

В то же время, возможно сослаться на аналогию между общественным процветанием и тюремным уютом: комфортная тюрьма прививает привычку к бытовым удобствам и соответственно уважение к частной собственности как социальной матрице. «Тюремные камеры в странах Европы постепенно стали больше походить на гостиничные номера, а отдельные тюрьмы, отличавшиеся повышенным комфортом, стали называть домами отдыха. Некоторые наши сограждане, оказавшись волей судеб за решеткой в западноевропейских странах, были весьма довольны тамошними условиями... Заключенные начали активно участвовать в общественной жизни, учиться в высших учебных заведениях, приобщаться к творчеству... Сами заключенные иногда брали шефство над обездоленными из свободного мира, о которых они узнавали из газет: оказывали материальную помощь матерям-одиночкам, сиротам» [12; с.201]. Тюрьма в цивилизованном обществе может воспитать убежденного грабителя как незаконного экспроприатора чужого права частной собственности, но никак не коммуниста, требующего уничтожения этого права. Показательна в этом плане судьба мелкого налетчика Джорджа Джексона, левого радикального публициста, одного из лидеров «Черных пантер». 19-летнему Джорджу был вынесен «замечательный приговор..: от года до пожизненного, смотря по поведению (!). Такой приговор означает, что теоретически по достижении «нижнего срока» заключенный может быть освобожден условно-досрочно. Из тюрьмы он уже не вышел никогда, причем опасным преступником стал считаться именно тогда, когда «остепенился», взялся за ум, принялся за книги и расстался с мелкоуголовным прошлым». «Сидя в тюрьме Соледад, Джордж стал одним из лидеров «Черных пантер» и автором стратегии вооруженной борьбы за свержение расистского империалистического режима... Был убит якобы при попытке поднять вооруженный мятеж в тюрьме» [13; с.61-62].

Исследование социальной сущности мест лишения свободы, как институционального механизма в интегративном научном контексте, позволяет, в свою очередь, утверждать, что пенитенциарная система крайне обременительна, например, для экономики. Ю. Мухин, опираясь на обширный материал и, в частности, на работу С.Карнера «Архипелаг ГУПВИ», отмечает мифологичность эффективности труда заключенных: «Заключенный – это человек, который через 3-4 года собирается поменять работу в связи с выходом на свободу, поэтому он не стремится осваивать профессию и в связи с этим работает крайне неэффективно. В СССР все министерства и предприятия отчаянно отбивались от навязываемых МВД «зон» с заключенными из-за их крайней убыточности. Ведь к плохим работникам добавляется еще 10-11%, а порой и 30% их конвоя и obsługi, бессмысленные затраты на содержание заборов, сигнализации и т.д. И в сегодняшней России об этом знает каждый, кто имеет хоть какое-то отношение к экономике. Даже ГУЛАГ при Сталине был убыточен и дотировался бюджетом. Да что ГУЛАГ с его «урками», предателями, болтливой и безрукой интеллигенцией – даже немцы и японцы цветущего возраста за почти 14 лет существования лагерей с военнопленными так и не стали прибыльными». [7; с.557]

Очевидно, что сказанное вдвойне верно в отношении несовершеннолетних заключенных, как правило, не имеющих никаких трудовых навыков. При этом тюремное бремя тяжело не только для кризисных экономик, но и для экономик достаточно

стабильных. В частности, британские специалисты утверждают: «...содержание одного заключенного в британских тюрьмах обходится в среднем в 24 000 фт. стерлингов в год, при этом расходы на содержание тюремной системы в 1997-98 гг. составили 1.257 млн. фт. ст., что в три раза превышает расходы на содержание Службы пробации (429 млн. фт. ст.), осуществляющей исполнение большинства наказаний, не связанных с лишением свободы. К тому же на попечении данной службы находится в два раза больше осужденных, чем тех, кто содержится в тюрьмах. Таким образом, наказание в виде лишения свободы обходится государству очень дорого, однако британское правительство постоянно увеличивает расходы на тюремную систему, строит новые тюрьмы, полагая, что только лишение свободы может надежно предотвратить рецидив тяжких преступлений» [2; с.290].

Расходы на содержание заключенных в тюрьме не оправдываются снижением уровня преступности. О.Н.Ведерникова приводит даже количественную зависимость: «Существуют данные, согласно которым увеличение численности заключенных на 25% влечет снижение общего уровня преступности лишь на 1%». [6; с.29]

В то же время, манипуляция статистическими данными позволяет сохранять механизм репрессивного правосудия по целому ряду причин, лишь косвенно связанных с непосредственной функцией пенитенциарной системы.

В сегодняшнем социуме индивид, получая большую часть значимой информации через средства массовой информации, привыкает судить о многих сторонах своей жизни и жизни своего общества, не прибегая к свидетельствам личного опыта. «Функционально» составленные криминальные сюжеты программ новостей при криминологической статистике свидетельствуют о снижении числа тяжких преступлений – причем точность статистических данных при этом роли не играет «Войны уличных банд закончились в Лос-Анджелесе в 1966 году, как только средства массовой информации перестали их комментировать. Уличные банды начинают разбредаться по мере ослабления к ним внимания СМИ, а затем они бесследно исчезают». [4; с.118]. Джон Колеман добавляет: «Методология... гласит следующее: если необходимо разрекламировать что-то такое, что общественность еще не полностью приемлет вследствие недостаточной промывки мозгов, то следует заказать статью, раскрывающую все аспекты данного вопроса. Другой метод состоит в организации телевизионных ток-шоу в прямом эфире, в которых группа экспертов рекламирует продукты или идеи под видом их «обсуждения». Участники шоу демонстрируют различные точки зрения, сторонники и противники высказываются за или против. Когда все заканчивается, обсуждавшийся вопрос застревает в сознании публики. В начале семидесятых годов это было новинкой, сегодня это стандартная практика всех процветающих ток-шоу» [4;с.122].

Исходя из этого, можно предположить, что в условиях тоталитарного общества флуктуации «ужесточения репрессий» и «ослаблений» в карательной политике преимущественно ориентированы на достижение оптимального в данных условиях уровня политической и социальной стабильности посредством «единения» общества либо через усиливающееся сепарирование чужеродных элементов, либо через усиливающуюся интеграцию исправившихся/колеблющихся. В рыночном обществе аналогичные флуктуации преимущественно отражают озабоченность доминирующих групп оптимизацией финансовых потоков в очень важном секторе государственных расходов и соответственно чьих-то частных доходов. Приведенные О.Н. Ведерниковой цифры, относящиеся к Англии, но репрезентативные для всех современных обществ, позволяют предположить, что малейшие колебания в уголовном законодательстве чреватые сильным резонансом в плане «пенитенциарных статей» государственного бюджета и роста ВВП. Увеличение адвокатских заработков, финансирование строительства новых пенитенциарных учреждений и переоборудование по последнему слову техники и гуманизма старых тюрем, расширение штатов правоохранительных учреждений – можно ли поверить, что в подобной сфере миллиардных расходов (не считая неизбежных

«теневых» выплат) детонатором изменений может стать *давление* автономного общественного мнения или несколько ток-шоу и заказных статей? [6; с.14].

Ужесточение карательной политики в процветающем обществе может выполнять важную стратифицирующую функцию. «Клеймение» тюрьмой – эффективный способ сбить с индивида спесь «мобильного потенциала». Кристофер Лэш замечает о ситуации в США в начале 1950-х гг.: «Большинство американцев продолжали верить в существование равных возможностей, пусть социологические исследования и не поддерживали такого убеждения. «Мечта», как говорил об этом Уорнер, влиятельный американский исследователь социальной мобильности, казалось, жила своей собственной жизнью; она превратилась в необходимую иллюзию, сохранение которой примиряло людей с неравенством и смягчало иначе тревожащее противоречие между эгалитарной идеологией и иерархическим разделением труда, востребованным современной промышленностью. До тех пор, пока «рабочие в общем придерживаются мнения, что для тех, кто действительно хочет сделать попытку и... имеет для этого хорошую голову и талант», дорога наверх открыта, - их «вера в нынешнюю систему», как это формулирует Уорнер, сохраняется, несмотря на будничные разочарования. Как если бы его анализ считал за благо то, что рабочие редко знают социологию, которая могла бы поставить под вопрос эту их веру» [6 ; с.15].

Статистические данные свидетельствуют, что «любое из наиболее крупных дел о мошенничестве, связанных с такими компаниями, как Гиннес, Максвелл, Поли Пек и др., по своим масштабам превышает суммарный ущерб от всех краж, зарегистрированных в стране» [2; с.228]. Такая пропорция, никак не отражающаяся на социальных характеристиках тюремного населения, сохраняющегося в любой современной стране, а не только в Великобритании. Первооткрыватель беловоротничковой преступности «Э. Сатерленд проанализировал факты хищений, злоупотреблений служебным положением, коррупции, хозяйственных и экономических преступлений, совершаемых представителями высших слоев общества. Результаты его анализа ошеломили современников. Преступления, совершаемые «сливками общества», многократно превосходят по своей общественной опасности и по размеру материального ущерба традиционную преступность. Кражи, совершаемые представителями трущоб, оказались каплей по сравнению с морем хищений в лакированном мире бизнеса. Парадоксальным результатом его исследований было следующее: несмотря на то, что степень общественной опасности преступлений представителей низших слоев общества ниже, вся мощь карательной машины обрушивается именно на них. Криминальные представители криминального общества, как правило, остаются безнаказанными» [12; с.172]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в условиях рыночного общества пенитенциарная система – это не столько правоохранительный институт, сколько «деньги и немного политики» [3; с.172].

В работе Михайлова А.П. «Альтернативные стратегии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: социокультурный анализ» отмечается: «Рост численности тюремного племени может происходить и в экономически отсталой стране, несмотря на отмеченную нами ранее дороговизну пенитенциарной системы. Во-первых, фантастические расходы передовых капиталистических держав на «надзор и наказание» столь же не императивны для отстающих государств, как и размеры прочих бюджетных статей передовиков. Зато, во-вторых, расширение тюремного поля в социуме создает новые рабочие места внутри жизненно необходимого для неэффективной политической элиты мощного слоя силовиков. Наконец, в-третьих, в обществе кризисной экономики государственная организация, коей является тюрьма, может обладать большими ресурсами в плане воспроизводства жизни индивида» [6; с.18].

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: при отрегулированной пенитенциарной политике государство выделяет деньги с одобрения общества (когда общество узнает про это «то, что нужно») как на ее

ужесточение, так и на ее смягчение. В первом случае финансируется расширение пенитенциарной системы, во втором – институты, обеспечивающие ее сужение или хотя бы видимость этого процесса (различные службы социальной защиты населения и связанные с ними структуры).

Вместе с тем, функционирование этой системы предполагает использование культурных ресурсов общества, которые в настоящее время в России в дефиците – следования нравственным максимам на уровне массового повседневного поведения, прочности институтов гражданского общества, эффективном взаимодействии главных институтов социализации – семьи и школы [6; с.149].

Таким образом, безусловно, неоправданна перспектива простого заимствования системы ювенальной юстиции западной модели. Скорее, в этой сфере потребуются поиск синтеза методов ресоциализации, оказавшихся эффективными в российских условиях и подходов, характерных для европейской системы восстановительного правосудия.

Примечания:

1. Goffman E. Asiles. Etudes sur la condition sociale des maladies mentales. Paris, 1968
2. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001.
3. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
4. Колеман Дж. Комитет трехсот. М., 2006.
5. Лэш Кр. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
6. Михайлов А.П. Альтернативные стратегии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: социокультурный анализ. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006.
7. Мухин Ю.И. За державу обидно! М., 2004.
8. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
9. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.
10. «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: Мнения населения и экспертов. СПб.; Ульяновск; Саратов, 2004.
11. Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности // Начала практической социологии / Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. – М.; СПб., 2001.
12. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
13. Сосновский Н. Комментарии // Хоффман Э. Сопри эту книгу! Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии. М., 2003.

References:

1. Goffman E. Asiles. Etudes sur la condition sociale des maladies mentales (1962). Paris, 1968
2. Vedernikova O.N. The theory and practice of struggle against criminality in Great Britain. M., 2001.
3. Inshakov S.M. The foreign criminology. M., 1997.
4. Coleman J. Committee of three hundred. M., 2006.
5. Lesh Kr. Revolt of elite and democracy treachery. M, 2002.
6. Mikhailov A.P. Alternative strategies of minor offender re-socialization: the sociocultural analysis. Rostov -on-Don. RGU Publishing House, 2006.
7. Mukhin Yu.I. It is insulting for power! M., 2004.
8. Oleinik A.N. The prison subculture in Russia: from an everyday life to the government. M., 2001.
9. Parshev A.P. Why Russia is not America. M., 2000.
10. "A Crime and punishment" of minor offenders: Opinions of the population and experts. SPb., Ulyanovsk, Saratov, 2004.
11. Pento L. A personal experience and the scientific requirement of objectivity // The beginning of practical sociology / Lenuar P, Merle D, Pento L., Champagne P. M., SPb., 2001.
12. Inshakov S.M. The foreign criminology. M., 1997.
13. Sosnovsky N. Comments // Hoffman E. Filch this book! How to survive and battle in the country of police democracy. M., 2003.